

История

К 400-летию взаимоотношений России с Китаем. Миссия И. Петлина в Китай (1618–1619)

© 2019

А.С. Ипатова

В мае 2019 г. исполнилось 400 лет взаимоотношениям России и Китая, крупнейших держав, принадлежащих к разным мировым цивилизациям. Это был путь от полного незнания и непонимания друг друга, через конфликты, включая вооруженные столкновения, к осознанию, что для достижения добрососедских отношений верный путь — мирный диалог, основанный на взаимопонимании и взаимных уступках. Первый шаг в этом направлении сделала Россия, направив в Китай миссию И. Петлина в 1618–1619 гг., где ее доброжелательно встретили на дипломатическом уровне.

Ключевые слова: Русское государство, Россия, миссия И. Петлина, Москва, Томск, Пекин, Срединное государство, Китай, Михаил Федорович Романов (русский царь), Иван IV, Сюань Е (Канси), Дж. Меррик.

DOI: 10.31857/S013128120007507-8

Исторический опыт межгосударственных отношений России и Китая являет собою уникальный пример долговременного мирного взаимодействия двух крупнейших государств-соседей, имеющих одну из наиболее протяженных в мире сухопутных границ (4431 км) при отсутствии морских рубежей и принадлежащих к разным мировым цивилизациям.

Позитивный характер этих отношений значительно превышает негативные моменты, возникавшие в отдельные, непродолжительные, по историческим меркам, периоды и решавшиеся, как правило, мирным путем: путем переговоров, консультаций, заключения на основе взаимных уступок договоров, соглашений и других дипломатических актов.

Это историческое достояние устойчивых мирных отношений двух соседних стран принадлежит не только прошлому, оно обращено в настоящее и будущее.

Россия — первая из европейских стран установила в начале XVII в. контакт с Китаем, положив начало дальнейшему постепенному развитию российско-китайских отношений. Более того, до середины XIX в. она оставалась единственной из стран Европы, выстраивавшей свои отношения с Китаем на межгосударственной договорной основе.

Исторический шаг к сближению двух государств сделала группа сибирских казаков во главе с Иваном Петлиным с санкции и при поддержке Московского правительства,

заручившегося помощью со стороны глав племен и княжеств, по территории которых пролегал маршрут первопроходцев. Выехали они из Томска 9 мая 1618 г. и, несмотря на непредвиденные осложнения, 1 сентября того же года достигли Пекина. Миссия И. Петлина была не единственной, направлявшейся из России в Китай в начале XVII в., но только она побывала в Китае. Это была первая встреча русских людей со Средним государством, с его столицей, с китайским народом. И хотя миссия не имела ни малейшего представления о традиционном китайском посольском протоколе, ее приняли в Пекине доброжелательно на дипломатическом уровне, как посланцев Русского государства.

Четыре дня, проведенные миссией в Пекине, стали отправным моментом в истории российско-китайских отношений, их началом. 400 лет Россия и Китай ведут свой непростой диалог, направленный к дальнейшему мирному сближению на основе взаимного уважения и добрососедства.

400 лет — много это или мало? Если судить по событиям, заполнявшим и заполняющим этот исторический период времени, по меркам двусторонних межгосударственных отношений, вне сомнения, — много. А по космическим и даже всемирно-историческим — «один миг», «миг между прошлым и будущим».

Вернемся, однако, к самому началу пути, к XVII веку, чтобы проследить и оценить грандиозность этого «мига» не только для двух мировых держав-контрагентов, России и Китая, но и для всего нашего общего дома — прекрасной планеты Земля.

Традиционные представления китайцев о мироустройстве и особой главенствующей роли Китая в нем формировались тысячелетиями, корнями уходя в глубокую древность, когда на протяжении длительного исторического периода соседями Китая были народы, находившиеся на более низкой, по сравнению с ним, социальной и культурной ступени развития. Отсюда и происхождение термина «варвары» (*и*), которое затем распространилось на другие народы.

Средневековая китайская дипломатия, включая цинскую, была основана на философско-политических воззрениях Древнего Китая, главным образом на конфуцианстве, а стратегические идеи и методы она заимствовала из древнекитайского военного искусства.

Важным составляющим китайской дипломатии был тщательно разработанный церемониал, направленный на утверждение превосходства Китая над всеми другими странами и народами. Именно церемониалу и этикету китайская дипломатия, а цинская особенно, придавала исключительное значение во внешнеполитической практике.

Неотъемлемой, главной частью цинской дипломатии была ее страгемность. «Страгемность, — по определению В.С. Мясникова, главного исследователя китайских страгем, — это сплав стратегии с умением расставлять скрытые от противника западни»¹.

Практическое применение страгем во внешней политике Китая «сводилось к стремлению придать всем государствам, вступавшим в контакты с Китаем, статус вассалов империи. Своеобразная данническая система действовала на протяжении тысячелетий, имела особые хорошо разработанные институты и, практически, не знала исключений. Ведение связей “на равных” представляло редкие эпизоды в многовековой истории»².

Все это вместе взятое составляло специфику средневековой китайской дипломатии по сравнению с дипломатией какой-либо другой феодальной империи, включая Российскую.

Существенными были различия и в ценностных приоритетах во внешней политике России и Китая. Для России приоритетным было развитие торгово-экономических связей с Цинской империей, приоритеты которой определялись политическими интересами. Торговлю же цинские власти использовали как средство давления на Россию для достижения своих целей — тактических и стратегических. Только в XVIII в. Цинский Китай в одностороннем порядке 11 раз³ прерывал торговые связи с Россией на сроки, доходившие до нескольких лет.

Подобными же методами действовали Цины и в отношении морской иностранной торговли, к участию в которой Россия не была допущена вопреки неоднократным ее обращениям к цинскому правительству с такой просьбой⁴.

Сложность установления дипломатических и торговых отношений с Цинской империей усугублялась тем, что помимо китайского обыкновения⁵ не посылать своих людей за границу до середины XIX в. Китай представлял собою закрытое государство, проводившее политику «закрытых дверей», политику изоляции китайского общества от внешнего мира.

Наследие Минской династии⁶ — китаецентристская политика «закрытых дверей» Цинов, отгородившая Срединную империю от всего остального мира, привела к тому, что за закрытыми дверями оказался не внешний мир, а Китай. Длительное искусственное вычленение страны из системы всемирных международных отношений вело к консервации архаических устоев феодального общества, отставанию китайского общества от всемирно-исторического развития⁷, не повлияв при этом на субъективное представление цинских правителей о могуществе и исключительности своей империи, что нашло отражение в стратегической внешнеполитической доктрине и практике Цинов, и стало слабым ее местом.

Когда во время пребывания в Пекине глава первой русской миссии в Китае (1618—1619) И. Петлин поинтересовался у китайского чиновника (а было это еще во время правления династии Мин), почему такое великое государство, как Китай, никогда не посылало своих послов и купцов в Россию, последовал ответ: «А послов де царь наш к вашему царю не посылает для того, что де у вашего царя вещи есть всякие, а у нашего тако же есть»⁸. Довод о том, что Китай не нуждается в иностранной торговле, наряду с гипертрофированным представлением о жизненной значимости китайских товаров для других стран, часто встречается в официальных документах того времени вплоть до середины XIX в.⁹

Дипломатических представительств иностранных государств, включая Россию, в Китае не было, как, впрочем, и любых других. Контакты России с Китаем осуществлялись путем направления посольств. Наибольшую активность в этом проявляла Россия, направившая до середины XIX в. в Цинскую империю 18 посольств разного уровня, в то время как в течение XVII—XVIII вв. Россию посетило всего четыре китайских посольства. Притом, что только два из них побывали в российских столицах — Москве и Петербурге, — а два других держали свой путь по российской земле к волжским калмыкам, подданным России, обосновавшимся в низовьях Волги¹⁰.

В основе такой демонстративной незаинтересованности китайской стороны в обмене посольствами лежала все та же китаецентристская традиция в отношениях с другими странами.

Именно с такой дипломатией своего дальневосточного соседа пришлось иметь дело России, когда в XVII—XVIII вв. она вступила в межгосударственный диалог с Цинским Китаем¹¹ и на практике стала познавать ее специфику. Это был трудный процесс, проходивший от фактического незнания к постепенному познанию.

Анализируя характер установившихся между Россией и Китаем отношений, академик В.С. Мясников определяет их как естественно сложившуюся своеобразную систему координат, «в которой горизонтальную линию образовывали европейские традиции и методы, а вертикальную — китайские. В результате взаимодействия сторон формировалась как вектор развития третья линия, вобравшая в себя элементы того и другого подходов»¹².

Наиболее сложно складывались отношения в XVII в., когда стремление Русского государства к сближению, установлению разносторонних связей встречало со стороны Цинского Китая демонстративную незаинтересованность, высокомерный отказ выстраивать связи «на равных», противопоставляя ему требование признать китаецентристскую политику диктата в практике двусторонних отношений. Для достижения своих целей Цины готовы были подкреплять дипломатические действия военными, как это произошло в Приамурье в 1680-х годах. Использовали они и тактику угроз, всевозможных запретов,

навязывание в традициях даннической системы признания верховенства цинского императора над «белым ханом». В Китае в те времена Русское государство называли по-китайски *Олоссы*, а по-маньчжурски — *Орос*. Русских монархов на официальном уровне в устной или письменной форме именовали по-монгольски *чахан-хан*, т.е. «белый хан» и *катун-хан* — «княгиня»¹³. «Имперская внешняя политика была нацелена на “приобщение варваров” к китайской цивилизации. Этому служили такие атрибуты даннической системы, как инвеститура, принятие китайского календаря и целый ряд других мер по привлечению “варваров” на сторону империи»¹⁴.

Однако даже на заре российско-китайских отношений, и тем более в XVIII в., в контактах с китайской стороной Россия не допускала, чтобы ей отводилась роль вассала, доказывая словом и делом, что в данном случае контрагентом Цинской империи выступает крупнейшее феодальное государство — Российская империя, в чем со временем убедились и сами цинские правители.

В XVII и вплоть до конца XVIII в. Россия была единственной из европейских стран, которая не только направляла в Китайскую империю официальные посольства для установления отношений и решения межгосударственных проблем, но и принимала китайские посольства у себя. Некоторые из русских послов даже в XVII в. удостоивались аудиенции у цинских императоров (посланцы в Пекин И. Перфильев и С. Аблин, глава посольства И.Д. Милованов, посланник Н. Спафарий)¹⁵. Более того, Россия была единственной европейской страной, которая заключила с Китаем в XVII—XVIII вв. четыре договорно-правовых акта¹⁶.

Существенным препятствием на пути взаимного познания и сближения двух соседних государств был труднопреодолимый языковой барьер. В XVII — первой половине XVIII в. в России не знали китайского и маньчжурского языков, в Китае — русского. При переговорах пользовались латинским и монгольским языками, прибегая к помощи посредников — западных миссионеров, обосновавшихся в Китае еще в XVI в., или монголов-толмачей, что не могло не снижать качество и уровень переговоров. Известно со слов самих же миссионеров, что их коллеги-переводчики умышленно искажали при переводе некоторые, наиболее важные, места сказанного или написанного — не в пользу российской стороны. На качестве переводов негативно сказывался и тройной перевод: с русского на латинский, с латинского на китайский. Также поступали и монгольские переводчики: с русского на монгольский, с монгольского на китайский. К тому же, как правило, знание языков монгольскими переводчиками оставляло желать лучшего.

Вот как описал посланник Н. Спафарий (1675–1676) в «Статейном списке» ход таких переговоров. Все ждали монгольского переводчика. Когда он пришел, «тогда колай»¹⁷ стал говорить по-китайски, а алихамба¹⁸ переводил его речи на мунгальский язык, и сказывал нашему талмачу, чтоб нам по-русски говорил, и талмач почел говорить по-русски те их статьи нижеписанные и речи их. И видел посланник, что талмач речи не умел перевести, призвал иных своих толмачей мунгальских, и они не могли ж сказать подлинно. И видя посланник, что дела, что они предлагают, великие, а наши талмачи талмачили и вразуметь подлинно не могли, тогда бил челом посланник колаю, чтоб он сказал те ж речи по-китайски езуиту, а езуит бы по-латыне для лутчего выразумления сказал посланнику. И колай приказал те ж речи по-латыне говорить. И он все те дела объявил разумично, однако ж де посланник для лутчего доверия те ж речи, что говорил ему езуит по-латыни, по-русски говорил талмачю своему, и он по-мунгальски подтвердил алихамбе, так ли. И так сошлись речи с речьми во всем»¹⁹.

Практика использования языка-посредника сохранялась до второй половины XVIII в., когда и устным переводом стали заниматься ученики основанной в начале XVIII в. в Пекине Российской духовной миссии в Китае (РДМК).

Главным недостатком использования в дипломатических контактах языка-посредника был не только и не столько лингвистический аспект, сколько политический, ко-

гда в дела, касающиеся двух государств — России и Китая, — становились посвященными представители третьих стран, далеко не всегда доброжелательно настроенных к России и не заинтересованных в развитии ее отношений с Китайской империей.

Практика использования такого перевода при приеме российских послов была непривычна для цинской стороны. Не случайно во время беседы с посланником Л.В. Измайловым (1719–1720) император Сюань Е поинтересовался: «Не противно ли ему же, посланнику, что он через иезуитов с ним говорит»²⁰. Главный дореволюционный историограф миссии иеромонах Николай Адоратский расценил этот вопрос как «китайскую любезность Канси»²¹ (Сюань Е. — *А.И.*) Однако, заданный в такой форме, он допускает, на наш взгляд, и другое толкование — критику русских, не знающих языков Срединного государства.

По прошествии ста лет со времени первых контактов с Китаем в России не только не было людей, знающих китайский и маньчжурский языки, но и тонкости традиционного китайского посольского церемониала и этикета.

Так, император Сюань Е, якобы сожалея, что российский посланник Л.В. Измайлов не имеет теплого платья (посольство находилось в Пекине зимой), пожаловал ему свои соболю шубу и шапку и повелел, чтобы тот надевал их и приезжал к нему во дворец только в таком облачении²². Согласно китайскому этикету, переодевание послов в императорские одежды означало, что этот посол представляет в Пекине вассальное государство, т.е. имело совсем иной смысл, чем «шуба с царского плеча» в России. Еще меньшим объемом знаний о Китае и его традициях, прежде всего, в области посольского церемониала и этикета обладали русские послы, направлявшиеся в Пекин в XVII в., на который приходится значительная часть из тех 18 посольств, которые Россия направляла в Китай до середины XIX в. Вместе с тем чрезвычайный посланник и полномочный министр С.Л. Владиславич-Рагузинский, возглавивший российское посольство в Китай в 1725–1729 гг. и подписавший Кяхтинский договор (1728), в одной из своих реляций в Коллегию иностранных дел сообщил, что в пекинском архиве записано, что после заключения в 1689 г. Нерчинского договора в Китае побывало более 50 русских посольств, однако о целях этих посольств в государственном архиве Китая ничего не значится. В это число, несомненно, включены посольства и отдельные посланцы, которых направляли в Китай российские приграничные власти, порою без ведома сибирских и центральных властей, используя их в своих, как правило, коммерческих интересах²³.

Инициатива налаживания межгосударственных контактов России с Китаем принадлежала Русскому государству. Как отмечалось выше, первые миссии были направлены в Китай еще во времена Минской династии, но все оказались безуспешными, кроме миссии Ивана Петлина. Побудительным мотивом для снаряжения этой миссии, точнее, экспедиции в значительной мере послужил внешний фактор — все нараставшее давление на Московское правительство со стороны западноевропейских держав, особенно Англии, стремившихся использовать территорию Русского государства для сухопутного маршрута из Европы в восточную Индию и Китай. Интересовала их и русская Сибирь как еще один потенциальный центр иностранной торговли.

В ходе многократных длительных переговоров Англия через своего посла в Москве Джона Меррика настойчиво предлагала предоставить ее подданным возможность разведать этот путь через русские земли, причем полностью на средства британских торговцев. В ответ на столь откровенный прессинг русские дипломаты в письменной и устной форме отвечали категорическим отказом.

Твердая позиция русской дипломатии была продиктована национально-государственными интересами. Предоставление территории Русского государства для поиска кратчайшего пути из Европы в Китай через русские земли от западных границ до Сибири, а затем и для транзита иностранных товаров по новому пути было чревато пагубными для Русского государства последствиями. В открытые двери устремились бы вместе

с торговцами миссионеры, всякого рода сомнительная публика, предприимчивые дельцы, любители легкой наживы и, как водится в таких случаях, шпионы.

Русское правительство опасалось, и не без основания, что иностранцы поспешат извлечь максимум выгод для себя (не зря же они так упорно добивались этого!) не только от торговли с Китаем, но и от торговых операций в Сибири, где позиции русских были еще недостаточно крепки. Умело воспользовавшись благоприятной ситуацией, иностранцы, главным образом англичане, смогли бы со временем захватить лидирующие позиции в российско-китайской сухопутной торговле²⁴ и промежуточной в Сибири, используя г. Тобольск как географически наиболее удобный центр для иностранной торговли²⁵.

Если бы такое произошло, то нанесло Русскому государству значительно более ощутимый ущерб, чем учрежденная Иваном IV в 1555 г. Русская торговая кампания в Англии и предоставление на чрезвычайно выгодных для англичан условиях концессий на вывоз в Западную Европу пеньки для канатов, леса, мехов, сёмги и других товаров²⁶.

Такая позиция Русского государства, проводившего со времен царствования Михаила Федоровича (1613–1645), основателя династии Романовых, политику протекционизма во внешней торговле, органично вписывалась в общий контекст политики покровительства русскому купечеству. Аналогичный отказ получили иностранцы, пожелавшие использовать территорию России для проезда своих торговцев в Персию, чтобы конкурировать с русскими купцами, торговавшими со Средним и Ближним Востоком.

Решение Московского правительства собственными силами открыть наиболее удобный и безопасный маршрут в Китай и установить с ним контакты, используя выгодное геополитическое положение России, было в высшей степени актуальным для поднятия ее престижа на международной арене после смутного времени конца XVI — начала XVII в. и польско-шведской интервенции (1609–1618), тяжелейшим образом отразившихся на политическом и экономическом положении страны.

С приходом к власти Михаила Федоровича Романова обстановка в стране постепенно стабилизировалась. Русское правительство под покровом строжайшей секретности стало снаряжать экспедицию к соседним с Россией и Китаем калмыкам, монголам и другим народам для сбора сведений о своем дальневосточном соседе. Убедившись с их слов, что путь в Китай существует, и не слишком далекий, а также заручившись обещанием монголов выступить в роли проводников, московские власти приняли решение направить в Китай миссию, но не для установления отношений с пока еще неведомой страной, а для знакомства с ней и с землями, по которым проляжет этот путь.

Важное место отводилось исследованию Оби. В Западной Европе ошибочно считали, что эта сибирская река берет начало «из озера Китай», из чего делался вывод о том, что Китай совсем близок к Европе и по Оби можно добраться до него²⁷. То же самое думали и о Великой китайской стене, которая, по мнению европейцев, создавала замкнутое пространство, окруженное со всех сторон кирпичной стеной, а потому, считали они, «можно знать, что место невеликое».

Как известно, поездка миссии И. Петлина развенчала оба эти мифа. Члены миссии должны были также рассказать китайским чиновникам о своей стране. В задачи миссии не входило выполнение каких-либо дипломатических поручений. Миссия формировалась в Томске, уровень состава ее даже по сибирским меркам был невысоким. Глава миссии Иван Петлин, уже немолодой томский казак, служилый человек, грамотный, первоначально был включен в миссию «для письма», знал местные языки, ему уже приходилось выполнять разного рода дипломатические поручения, побывал он и в Москве. Вторым лицом миссии называют Андрея Мадова, тоже из числа сибирских казаков.

9 мая 1618 г. миссия выехала из Томска, а 1 сентября прибыла в Пекин, преодолев весь путь за 3 месяца и 22 дня. Поселили их на Посольском дворе, куда к ним приезжал важный чиновник из Палаты по приему иностранных гостей (Чжукэсы) в сопровождении «200 человек на ишеках, а люди нарядны». Китайский дипломат сообщил, что приехал

по распоряжению самого императора, чтобы расспросить, с какой целью они прибыли в Китайское государство. И. Петлин в ответ сказал, что русский царь Михаил Федорович прислал их проведать Китайское государство и царя видеть²⁸. Тут произошло непредвиденное, чего не знали в Русском государстве: являться на прием к китайскому императору посланцам из других стран можно только с подарками от «данников», т.е. данью. Когда стало известно, что у русских послов (в Пекине И. Петлина воспринимали как посла) нет никаких подарков, китайский дипломат был обескуражен. Без подарков ни о какой аудиенции не могло быть и речи. Причем совсем не важно, каковы были бы подарки, важен сам факт их подношения. Раздосадованный китайский дипломат, не сдержавшись, высказал И. Петлину свое неудовольствие: «А у нас де в Китайском государстве чин таков: без поминков перед царя нашево Тайбуна не ходят. Хоть бы де с вами, первыми послами, царь Белой послал нашему царю Тайбуну что невеликое; не то дорого, что поминки, то дорого, что Белой царь ко царю дары послал, ино бы де и наш царь и вашему царю [с] своими послами против также послал, да и вас бы де, послов, пожаловал да отпустил и на очи бы де свои пустил полно-де царь наш даст вам грамоту к вашему царю»²⁹.

Из-за такой нелепой оплошности миссия И. Петлина не смогла выполнить все возложенные на нее задачи, а также упустила возможность представиться китайскому императору посланцами московского царя и установить дипломатические отношения с Китайским государством. Так, сокрушаясь, рассуждали члены миссии, исходя из принятых в те времена европейских норм межгосударственных отношений. Но в Китае все обстояло иначе. Как резюмирует В.С. Мясников: «Они, разумеется, не подозревали, что будь у них “поминки”, эти дары из символа дипломатической вежливости и уважения были бы превращены стараниями китайских чиновников в знак унижения Русского государства, низведения его до положения “данников” империи Мин»³⁰.

На приведенный выше пассаж китайского чиновника И. Петлин с достоинством ответил, не уронив престижа своей страны и своей миссии, что они прибыли в Китай не от московского царя, а «из Сибирского государства, и с ними грамот и поминков нет, а будет великого государства нашего государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси и к вашему великому государю послы нарочно, и грамоты и дары с ними будут»³¹, — заверил он.

По-видимому, такой ответ удовлетворил китайского дипломата, и тот пообещал, что «царь наш даст вам грамоту к вашему царю»³². И, действительно, вскоре русскому послу, как его именовали в Пекине, вручили грамоту от китайского императора к русскому царю следующего содержания: «Валли³³ китайский царь. Из Руси де приехали два человека, и Валли китайский царь говорил им, русским людям; что с торгом приходите и торгуйте, и выходите, и апять приходите. На сем свете ты, великий государь, и я, царь, не мал, чтоб между нами дорога чиста была, сверху и снизу ездите, и что доброе самое привезете и я против того камками добрыми пожалую вас. И ныне вы назад поедете. И коли опять сюды приедете и как от великого государя люди будут, и мне бы от него, великого государя, лист привезли, и против твоего листа и я буду лист посылать. И как листы от вас будут, и я с великою честью велю принять и людей взять. А мне к вам, великому государю, своих послов послать нельзя, что путь дальшой, и языка не знают. И от меня ныне к вам, великому государю, челобитье, и быю челом тебе, великому государю. Только бы к тебе, великому государю, моим послом путь был, и я бы к вам прислал своих послов. И я по своей вере, царь, ни сам из государства не выезжаю, и послов своих и торговых людей не выпускаю»³⁴.

По причине того, что в Русском государстве в начале XVII в. не нашлось знатоков китайского языка, эта первая грамота китайского монарха, адресованная русскому царю, оставалась непрочитанной 56 лет³⁵. Незвестность содержания грамоты и соответственно позиции Китая в отношении Русского государства все эти годы тревожили Московское правительство.

Пробыв в Пекине всего четыре дня, миссия И. Петлина из-за приближения осенних заморозков отправилась в обратный путь. На этот раз путь оказался невероятно трудным, долгим и занял более семи месяцев. Вернулись они в Томск лишь в мае 1619 г., после чего глава миссии был направлен в Москву держать отчет.

Результаты поездки первой миссии превзошли все ожидания: найден короткий, по сравнению с морским, и наиболее безопасный путь в Китай, иными словами, совершено важнейшее географическое открытие, связавшее сухопутным маршрутом весь Евразийский континент с запада на восток. И сделали это русские люди, сибирские землепроходцы. То была эпоха великих географических открытий, и Россия внесла достойный вклад в открытие новых путей, связывающих ареалы разных мировых цивилизаций.

По возвращении И. Петлин составил чертеж маршрута и написал отчет о поездке, озаглавленный «Роспись Китайскому государству и Лобинскому, и иным государствам, жилым и кочевым, и улусам, и великой Оби, и рекам, и дорогам», содержащий ранее неизвестные сведения и служивший подробным дополнением к чертежу. Оба документа были составлены уже после возвращения. По содержанию «Роспись», написанная сибирским казак-землепроходцем, по наполненности материалом, точности оценок и четкости изложения соответствовала уровню отчета дипломатического посла того времени. В нее вошло подробное описание пути следования, всего, что подмечал зоркий глаз первопроходца, что видели и слышали члены миссии в дороге и в Пекине, наиболее важные моменты встреч с китайскими чиновниками. И. Петлин отмечал все, что могло иметь интерес для Русского государства, различия и сходства с привычными для русских реалиями.

«Роспись» содержит ответы практически на все вопросы, поставленные перед миссией при ее отъезде в Китай, изобилует этнографическими зарисовками: быт китайцев, их одежда, архитектура городов. Для иллюстрации приведем фрагменты из описания первого застенного китайского города Калгана (современный Чжанцзякоу), который Петлин называл Широкая га.

«А за рубежом об стену (Великая китайская стена. — *А.И.*) стоит город китайской каменной... А город высок и хорош и мудрен делом, а башн[и] так же, что московские, высоки, а в окнах пушки стоят, а по воротам пушки же, а пушки коротки, и мелково оружия много, и караулы по воротам и по башням, и по стенам. А как солнышко за лес сядет, и караульщики ис трех пищалей выстрелят трижды зушно, да станут бить по литаврам, бьют часа ночи три, да перестанут бить, да опять выстрилят трижды на утренняя зоре, а города не отпирают часов до шти дни.

А в городе лавки каменные, выкрашены красками всякими и травами выписан[ы]. А товары в лавках всякие». Далее идет подробное описание товаров, фруктов и овощей, «которых мы и не знаем, какие они есть. И харчевни и кабаки; а на кабаках питья всякие и разные, а ярыжек и жонок блюдок много; а тюрьмы каменные стоят по рядом; а за татьбу у них вешают, а за разбой на кол сажают и головы секут, а за прописку руки секут». И далее: «А люди в Китайском [государстве] мужской пол и женский чист, а платья носят своим обраском: рукава широки, что у литника, а под-ысподом полукафтанье по нашему. А люди в Китайском государстве не воинские: большой их промысел торги сильные»³⁶.

«Роспись» И. Петлина по сути дела стала первым российским дипломатическим документом в истории русско-китайских отношений и вместе с тем первым отечественным источником для фундаментальной науки, занимающейся изучением этих отношений, равно как и самого Китая, первым документальным памятником выдающегося географического открытия.

Московское правительство постаралось сохранить в тайне этот документ, как и сам факт открытия сухопутного пути в Китай. Тем не менее все тот же Дж. Меррик сумел достать копию «Росписи» и переправить ее в Англию, где она была впервые опубликована в 1625 г., т.е. спустя шесть лет после ее составления. В течение XVII—XVIII вв.

она выдержала семь изданий в Европе, более того, в начале XX в. к ней снова обратились, на этот раз ученые, и «Роспись» И. Петлина была дважды переиздана.

Московское правительство щедро одарило И. Петлина и А. Мадова, наградив «за службу» Петлина 25 рублями, Мадова — 20 рублями и прибавило к их жалованью по одному рублю сверх того они получили ткани, крупу, муку и прочие продукты и товары³⁷. Однако к продолжению связей с Монголией и Китаем, ставших возможными благодаря миссии И. Петлина, не высказало заинтересованности, какую следовало бы ожидать. В этом проявился консерватизм московских чиновников, неспособных оценить всей важности этого открытия и запретивших сибирским властям своевольно разведывать разные дальние страны. Не последнюю роль сыграл и комплекс внешнеполитических проблем: череда войн на западе и юге, временное осложнение отношений с западной Монголией на востоке. И все это на фоне глубочайшего экономического кризиса, в который ввергла страну польско-шведская интервенция (1609–1618). Казна была истощена. Лишь к 1630-м годам положение стабилизировалось. В условиях внутренней разрухи направление миссии И. Петлина было в значительной степени вызвано не столько внутригосударственными потребностями, сколько внешним фактором, что и определило фактически равнодушное отношение правительства к результатам миссии, на десятилетия отсрочило организацию официального посольства в Китай.

Лишь появившийся у московского правительства интерес к торговле с этой страной Востока, особенно усилившийся под влиянием посещения летом 1652 г. Москвы послом хошутской княгини Гунджи Кушучинейем в сопровождении бухарских торговцев Сеиткулы Аблина и Ежбабы Сеитова, а также тобольского казака Петра Малинина, стал непосредственным поводом для подготовки посольства в Китай. Рассказы посла и бухарцев о диковинных китайских товарах сказочной красоты, подкрепленные дарами, привезенными московским властям, ускорили принятие решения о необходимости установления отношений с Китаем. Сообщение посла о согласии княгини Гунджи пропустить русский торговый караван через свои владения побудило Московское правительство к принятию срочных мер.

В сибирском городе Тобольске (основан в 1587 г.) уже на протяжении многих лет велась торговля, в том числе и иностранными товарами, включая китайские, которые привозили торговцы-бухарцы. Московское правительство решило организовать в г. Тобольске крупный торговый центр русско-китайской торговли под государственным контролем и направить туда московского дворянина Ф.И. Байкова, имевшего солидный опыт в строительном деле и административной службе. Ф.И. Байкову давались широкие полномочия по сосредоточению русско-китайской торговли в руках и под контролем государства. Именно его Московское правительство направило в Китай своим первым послом (1654–1658).

Приложение

Документы, подтверждающие поездку миссии И. Петлина в Китай в 1618–1619 гг.:

«Роспись Китайскому государству, и Лобинскому, и иным государствам, жилым и кочевым, и улусам, и Великой Оби, и рекам и дорогам» — отчет И. Петлина. Подлинник.

Расспросные речи И. Петлина на стане у Солдоги, так называемая Сказка И. Петлина. Подлинник.

Челобитная И. Петлина и А. Мадова о пожаловании их за поездку в Китай. Подлинник.

Выписка по челобитной, составленная в Посольском приказе. Подлинник.

Чертеж открытых экспедицией И. Петлина стран, к которому «Роспись» служила своего рода комментарием. Считается утраченным.

Грамота китайского императора Чжу Ицзюня русскому царю Михаилу Федоровичу Романову. Сохранился лишь русский перевод, сделанный 57 лет спустя, так как в России тогда не было людей, знавших китайский язык.

Эти и другие документы и материалы были подвергнуты В.С. Мясниковым и Н.Ф. Демидовой всестороннему анализу и опубликованы с предисловием и комментариями в книге «Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и Статейный список Ф.И. Байкова)». М., 1966.

Тексты документов, связанных с миссией И. Петлина, опубликованы в документальной серии «Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. 1608–1683». Т. 1. М., 1969. Том входит составной частью в документальную серию «Русско-китайские отношения в XVII—XX вв.», издаваемую Институтом Дальнего Востока РАН, ответственные редакторы серии академик С.Л. Тихвинский и академик В.С. Мясников (с 2018 г.).

Таким образом создана солидная документальная основа для изучения обстоятельств направления в Китай миссии И. Петлина, ее пребывания там и для определения ее места и значения в истории российско-китайских отношений.

Документы, в подавляющем большинстве подлинные, подтверждают, что именно миссия И. Петлина открыла собою первую страницу в истории российско-китайских отношений, а 1618–1619 гг. — хронологическая дата их начала.

-
1. Мясников В.С. Антология хитроумных планов (вступ. ст.) // Зенгер Х. Фон. Стратегемы. Т. 1. О стратегемности средневековой китайской дипломатии. М., 2004. С. 10; *Его же*. Стратегемный бум в Китае (предисл.) // Там же. Т. 2. С. 5–10; *Его же*. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980; *Его же*. Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы. М., 1996.
 2. Мясников В.С. Особенности становления договорных отношений России с Китаем // Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916). М., 2004. С. 9.
 3. Новая история Китая. М., 1972. С. 64.
 4. Подробнее см.: Ипатова А.С. Политика «закрытых дверей» Цинов: политика «самозащиты» или «самоубийства государства» (к постановке вопроса в современной историографии КНР) // Всемирная история и Восток. М., 1989. С. 242–251.
 5. В официальных цинских документах часто используется ссылка на исторический прецедент, выраженный иероглифом «ли». «В практике цинской дипломатии, — поясняет исследовательница Юй Цзе, — под словом “обычай” или “обыкновение” (ли) подразумевается тот или иной исторический прецедент, утвердившийся в официальном династийном историописании и тем самым обладавший законностью для тех или иных дипломатических или военных действий» (Юй Цзе. Место Кяхтинского договора 1728 г. в становлении российского китаеведения // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 4. С. 100). Добавим от себя, что понятие «обыкновение» имело более расширенное толкование.
 6. Минская коренная китайская династия (1368–1644) основана в результате свержения монгольской династии Юань (1280–1368), прекратила свое существование в ходе крестьянской войны под руководством Ли Цзычэна и последовавшего завоевания страны маньчжурами, провозгласившими свою династию — Цин.
 7. Подробный анализ политики «закрытых дверей» см.: Ху Сьюн. Цин чао дэ бушань чжанцэ мэньмэйчжуи: [Политика «закрытых дверей» и обскурантизм Цинов] // Цзилинь шида сюэбао. 1979. № 2; Япянь чжаньчжэн ши луньвэнь чжуаньцзи: [Сборник статей по истории опиумной войны]. Спец. выпуск. С. 99–124; Ипатова А.С. О некоторых новых направлениях и тенденциях в исторической науке КНР (80-е гг. XX в. — нач. XXI в.) // Образ Китая в современной России: некоторые проблемы китайской истории и современной политики КНР в исследованиях российских и зарубежных ученых. М., 2007. С. 260–274.
 8. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1: 1608–1683. М., 1969. Док. № 26. С. 90.

9. Так, известный ученый и государственный деятель, возглавивший в 1840 г. борьбу против контрабандной торговли опиумом в Гуандуне Линь Цзэсюй, в первом «Обращении к английской королеве Виктории» в 1839 г. писал: «Из всех товаров, которые Китай отправляет в другие страны, нет ни единого, который не был бы полезен... А без таких товаров, как, например, чай и ремень, иностранцы и дня не могут обойтись. Как же будут они жить, если мы вдруг поскупимся на наши блага, перестанем помогать им в несчастье?». И далее: «Иностранцы не в состоянии превратить пряжу в шелк, если не получают от нас шелковых коконов. На что смогут они рассчитывать, если Китай вдруг поскупится и лишит их этих благ... Товары же, ввозимые в Китай иностранцами, представляют собою не более как безделушки, без которых мы можем прекрасно обойтись. А поскольку мы в них не очень нуждаемся, нам не доставит особых хлопот закрыть таможни и прекратить их ввоз». (Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени (1840–1898). М., 1961. С. 55–56).
В данном случае предупреждение об одностороннем прекращении иностранной торговли было продиктовано справедливым требованием об отказе иностранцев от опиумной контрабанды. Но вместе с тем данный документ — прекрасная иллюстрация субъективного китаецентристского представления о роли Китая в системе мировых торговых связей и особой значимости его товаров для иностранных государств.
10. Подробно см.: Мороз И.Т. Китайское посольство Тулишэня к калмыцкому хану Аюке на Волгу (1712–1715) // Восточный архив. № 2(20). 2009. С. 28–39; *Ее же*. Первое китайское посольство в С.-Петербурге (1732 г.) // Там же. № 2(22). 2010. С. 19–26.
11. С 1644 по 1912 г. в Китае правила маньчжурская династия Цин. Свергнута в ходе Синьхайской революции 1911–1913 гг.
12. Мясников В.С. Особенности становления... С. 8.
13. Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань, 1882. С. 5.
14. Мясников В.С. Особенности становления... С. 9.
15. Лишь в конце XVIII в. Китай посетила первая официальная дипломатическая миссия британского правительства — миссия бывшего губернатора Мадраса и Бенгала лорда Дж. Макартнэ (1792–1794). От имени своего правительства он предъявил цинскому двору следующие требования: открыть дипломатическое представительство Англии в Китае и установить дипломатические отношения между ними; в дополнение к Гуанчжоу (Кантон) открыть еще несколько портов для английской торговли; ликвидировать торговую монополию кохонга (гунхан) и разрешить англичанам свободу поселения на территории Китая. Цины отвергли все эти требования. Прием британскому послу был оказан как послу вассального государства. От Тяньцзиня до Пекина посольство везли в лодках и повозках с надписями «Посольство с данью от английского короля». Цинский император не принял Дж. Макартнэ, он лишь был допущен на торжества по случаю дня рождения императора.
16. Нерчинский договор (1693), Кяхтинский договор (1728), Дополнительная статья к Кяхтинскому договору о режиме русско-китайских границ (1768) и Международный акт о порядке русско-китайской торговли через Кяхту (1792).
17. Колай, гэлао, голай — член императорской канцелярии (Нэйгэ).
18. Алиха амбань — глава приказа.
19. Русско-китайские отношения... Т. 1. Д. 183. С. 445.
20. Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 93.
21. Адоратский Н. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. Опыт церковно-исторического исследования по архивным материалам. Вып. 1. История Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685–1745). Казань, 1887. С. 81.
22. Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 93.
23. Там же. С. 6.
24. Подробно об этих переговорах, об экспедициях русских к монголам калмыкам и о принятии московским правительством решения направить в Китай миссии см.: Русско-китайские отношения... Т. 1. Д. № 1–23. С. 39–71.; Демидова Н.Ф. Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). М., 1966. С. 11–83.
25. Подробно о торговле в г. Тобольске см.: Вильков О.Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в. // История СССР. 1958. № 1. С. 105–124; *Его же*. Ремесло и торговля в Западной Сибири в XVII в. М., 1967.

26. Когда при царе Алексее Михайловиче в 1650 г. истек срок этого договора и англичане пожелали его возобновить, то русское правительство ответило категорическим отказом.
27. Русско-китайские отношения... Т. 1. Д. 26. С. 90.
28. Там же. Т. 1. Д. 28. С. 92.
29. Там же. Т. 1. Д. 28. С. 92; Д. 26. С. 83.
30. *Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVII в. С. 64.
31. Русско-китайские отношения... Т. 1. Д. 29. С. 95.
32. Там же. Д. 26. С. 83.
33. Валли — искаженная транскрипция Ваньли — девиз годов правления (1573–1620) минского императора Чжу Ицзюня (1563–1620). Подробно о нем и его семье см.: *Лю И.* Мин, Цин хуанши (императорские семьи династий Мин, Цин). Пекин, 1997. С. 149–158.
34. Русско-китайские отношения... Т. 1. Д. 24. С. 71–72.
35. Перевод был сделан в Тобольске 15 апреля 1675 г. проживавшим там китайцем по поручению посланника Н. Спафария, направлявшегося в Китай с дипломатической миссией. Под текстом листа приписка: «А как лист писан, и тому 56 лет, что и учинить около 1619 года». Здесь переводчик допустил ошибку на один год, так как И. Петлин находился в Пекине с 1 по 4 сентября 1618 г., тогда и был составлен этот лист.
36. *Демидова Н.Ф., Мясников В.С.* Указ. соч. С. 49, 53.
37. Подробнее см.: *Мясников В.С.* Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина // Советское китаеведение. 1958. № 1. С. 146–152. (публикация и вступ. ст.); то же // Квадратура китайского круга. Избр. статьи. Кн. 1. М., 2006. С. 241–247.